

Валерий ЧЕРКЕСОВ

член Союза писателей России

«САМ НА СЕБЯ И СТАВЛЮ, И БЕГУ» (Леонид Завальнюк)

1

Представьте тщедушного семнадцатилетнего отрока со светлыми кучерявящимися волосами и голубыми глазами, которого зацепила своим чёрным крылом Великая Отечественная война (родившегося уже в послевоенное время, но испытавшего на себе, что такое безотцовщина). Немного заикающегося или, как говорила бабушка, спотыкающегося на словах, потому что однажды за непослушание меня, мальчика, тряхнул дед, о чём сожалел до ухода из жизни. Работающего путейцем (надо же было добывать на хлеб), после восьмичасового махания тяжеленным молотком или таскания прокреозоченных шпал сидящего за партой в вечерней школе, а ночами пытающегося в рифму выплеснуть на бумагу свои мысли, чувства, чаяния. Таким я был в 1964 году...

В один из дней я купил небольшой по объёму, но в твёрдом переплёте сборник стихотворений с неброским названием «Лирика». Открыл его и прочитал строки, которые накрепко, навсегда засели в памяти:

Снова стихами повеяло
От молодой травы.
Я каждому слову поверю,
Которое скажете вы.
Поверю, что вы наступаете
По руслам новых дорог, —
Прочтите мне только по памяти
Десяток хороших строк.
Неужто вы не заметили,
Как, погасив огоньки,
Вечер уходит медленный
По мостовой реки,
Как падает ночь на гравий
С первой каплей дождя?..
Зачем же вы молодость грабите,
Мимо стихов идя?..

Впечатление от прочитанного усиливал эпиграф «Когда-то у той вон калитки / Мне было шестнадцать лет...» — строки Сергея Есенина, к стихам которого я уже прикоснулся душой и сердцем.

Ещё в «Лирике» были такие строки (цитирую по памяти, так как сборник, к сожалению, у меня не сохранился):

...К чему идти планете,
В то и играют дети...

...Вот такие дела:

Мать моя умерла.

На деревенском кладбище положили,

Крест поставили на могиле —

Всё, что было, и всё, что пройдено,

Это и есть моя Родина...

...Ты грустная сходишь с поезда,

Который тебя привёз.

В глазах у тебя беспокойство

Как свет улетающих звёзд...

...Шутки шутками, а Бобик сдох.

От любви собака околела.

Всей душой почувяла подвох

И тотчас смертельно заболела...

Много позже я узнал, что стихотворение, начало которого привёл выше, любил Константин Паустовский. А тогда я был поражён, прочитав в аннотации к книге, что её автор Леонид Завальнюк, оказывается, живёт в Благовещенске, что он — настоящий поэт! — ходит по тем же улицам, видит тот же величавый Амур, слушает шелест осенних тополей! Осознать это, право, было непросто. Но открытие удивляло, восхищало, волновало.

2

Судьба круто повернула весной 1966 года, когда я, набравшись смелости, зашёл в редакцию областной молодёжной газеты «Амурский комсомолец», показал свои стихотворения, одно из них вскоре было напечатано. Я стал писать заметки, выполнял задания редакции и через год с небольшим, окончив вечернюю школу и три месяца поработав в районной газете за пятьсот километров от Благовещенска, был принят в штат «молодёжки» сначала учётчиком отдела писем, а потом и корреспондентом.

Редакция находилась в старинном двухэтажном кирпичном особняке, который и сейчас стоит на Калинина, 10. Несколько раньше в нём располагалось Амурское книжное издательство, в котором и вышли первые книги Леонида Завальнюка. (В начале 60-х годов изда-

тельство было ликвидировано, осталось отделение Хабаровского книжного издательства, которым руководил Марк Либерович Гофман – знаток литературы и, кстати, друг и редактор Леонида Андреевича.) Так что кабинеты нашей редакции, образно выражаясь, были пропитаны «завальнюкским» духом. Я об этом знал, как и то, что поэт, уже живущий в Москве, часто приезжает в Благовещенск.

В то время ещё не было Амурского отделения Союза писателей СССР, и мы, пишущие, встречались в редакциях газет и на областном радио. И вдруг объявили, что при «Амурской правде» создаётся областное литературное объединение, и что на его организационном заседании будет присутствовать Леонид Завальнюк. Не пойти на встречу я, естественно, не мог.

Не помню, что говорил Леонид Андреевич, какие стихи читал, но один эпизод запомнился.

Мы, так называемые молодые поэты, читали свои творения, а Завальнюк как бы резюмировал то, что услышал. Он отметил стихи уже довольно известных к тому времени в области Олега Маслова, Виктора Алюшина, Леонида Андреева, кого-то ещё и, на моё удивление, меня, хотя я прочитал всего-навсего одно небольшое стихотворение. Вот оно:

Дорога выводит к полю,
где после дождя грибного
краюхою свежего хлеба
пахота вкусно парит,
и скирды соломы шатрами
стоят по краям полосы.
В них птицы порою ночуют
и люди находят приют.

Это нерифмованное восьмистишие я представил на обсуждение потому, что, вероятно, подспудно осознавал: мне удалось белым стихом передать осеннюю картину, моё настроение и душевное состояние. Леонид Андреевич, судя по его одобрению, это тоже почувствовал.

Тогда я только увидел Завальнюка, но не познакомился, побоявшись подойти. Это произошло несколько позже.

После службы в армии в Благовещенск приехал сын журналиста «Амурской правды» Абрама Григорьевича Ривлина – Григорий и стал работать в «Амурском комсомольце». Мы были почти ровесники, молоды и самоуверенны, любили компании и весёлое бражничество, поэтому сошлись, подружились. А Ривлин-старший дружил с Завальнюком, называл его запросто – Лёня. Однажды Гришка пригласил меня в гости, кажется, на день рождения. Я пришёл и вот тогда-то и познакомился с Леонидом Андреевичем.

Тот вечер запомнился как интеллектуальное и весёлое застолье. Была непринуждённая обстановка, я не чувствовал себя в компании лишним, в чём-то ущемлённым. Абрам Григорьевич играл на пианино, исполнял свои песни. Он писал музыку на слова любимых поэтов, в частности, Константина Овечкина, который жил в Хабаровске. На его прекрасные стихи, начинающиеся так:

Уронила листья рошица,
А поднять их не смогла.
Мне сегодня очень хочется,
Чтобы ты со мной была...

Марк Либерович рассказывал забавные литературные истории и анекдоты, Леонид Андреевич много каламбурил в рифму и без. Кажется, тогда я услышал его эпиграмму:

Что такое Гофман? Ах!
Это нос на двух ногах.

После того вечера Леонид Андреевич, приезжая в Благовещенск, при встречах здоровался, первым дружески протягивал руку.

3

В апреле 1982 года в Амурском отделении Хабаровского книжного издательства вышел мой второй сборник стихотворений «Небо и поле». Завальнюк в то время гостил в Благовещенске, и поэтому, когда редактор «Амурского комсомольца» Александр Рябов спросил меня, кто бы мог написать рецензию на книгу, я назвал Леонида Андреевича. Саша позвонил в гостиницу поэту, и тот дал согласие. Но рецензия в газете не появилась, потому что я неожиданно для всех, в том числе и для себя, подал заявление на увольнение из редакции, засобиравшись в Белгород.

Расскажу вкратце предысторию выхода сборника «Небо и поле», ибо она имеет непосредственное отношение к разговору, который состоялся у меня с Леонидом Андреевичем во время нашей последней встречи в Благовещенске.

Мой сборник стал, скажем так, не совсем приятным сюрпризом для некоторых местных «маститых» литераторов. В то время существовал такой порядок: рукопись молодого автора перед изданием должны были обсудить на литературном объединении, которое курировалось обкомом комсомола, а заседало оно при областном отделении Союза писателей. Я рукопись представил. Но «мэтры» высказались о ней, мягко говоря, не очень чтобы очень, сделав заключение, что, мол, сборника они пока «не видят». Я возражать не стал, как и не сказал, что на мою рукопись уже есть рецензии известных хабаровских поэтов Николая Кабушкина и Людмилы Миланич, которые, в отличие от моих земляков-писателей, увидели в ней будущую книгу. А так как две положительные рецензии имелись, сборник запустили в производство. Прознав об этом, мои «доброжелатели» обратились в соответствующие инстанции, сообщив, что без их одобрения выпускается чуть ли не упадническая книга. Пришлось срочно отправлять рукопись в Москву поэту-фронтовику Виктору Кочеткову, который в 70-е годы руководил моим семинаром на совещании молодых литераторов в Хабаровске. Он прислал не только рецензию, но и предисловие к «Небу и полю», а также отдал мою подборку в альманах «Поэзия», и она была напечатана в одном из номеров за 1982 год, когда я уже жил в

Белгороде. Виктор Иванович тогда был секретарём парткома Московской писательской организации, так что обвинение меня в упадничестве отпало само собой.

Перед отъездом из Благовещенска я пришёл в гости к Леониду Андреевичу. Разговорились, вернее, больше говорил он: что я правильно сделал, решив перебраться поближе к столице – литератор должен вариться в соответствующей среде; что по двум сборникам уже можно попробовать вступить в Союз писателей, а в Благовещенске мне это явно не светит; что, оставшись здесь, я рискую превратиться в доморощенного пиита, каких великое множество.

Потом он обратился к моему сборнику. Сказал, что в целом книжка ему понравилась, особенно стихотворение «Случайности уже страшат...», что мне следует развивать эту психологическую и философскую линию, а ещё, что отдельные стихи очень лиричны и могут стать песнями.

В подтверждение этих слов Леонид Андреевич протянул мне два листа. Оказывается, он из моих стихотворений «О как мне не хотелось покидать...», «Приходит ко мне ощущение свободы...» и «Улетели на юг гуси...», несколько поправив их, сделал тексты песен. Забегая вперёд, скажу, что я было потерял эти листы, но нашёл через несколько лет, довёл до ума тексты, отдал их белгородским композиторам Вадиму Шувалову и Николаю Бирюкову, которые написали музыку, и песни звучали в концертах.

Тогда же Леонид Андреевич подписал мне свою книгу «Первая любовь», вышедшую в издательстве «Современник». На титуле слова: «Валерию – моему молодому собрату по перу – с уважением и надеждой». А при расставании сказал: «Встретимся в Москве, в ЦДЛ. Найдёшь меня».

4

В столице я оказался весной 1983 года. Вечером пришёл в Центральный дом литераторов. Встретил поэта Владимира Андреева, который незадолго до этого гостил в Белгороде. Сели за столик. Вдруг подходит Илья Фаликов – владивостокский поэт. Мы познакомились на БАМе, когда я жил в Тынде, а он туда приезжал уже из Москвы. «О! – сказал Илья. – А мы с Завальнюком недавно говорили о тебе. Куда подевался-то?» Было, конечно, приятно, что меня помнят. Спросил: «Где можно найти Леонида Андреевича?» «Да в бильярдной, он ведь заядлый игрок!»

Спустился в бильярдную. Леонид Андреевич стоял с кием, собираясь начать партию. Пожали руки. Он расспросил, что да как в моей жизни, чем занимаюсь в Белгороде, о чём-то ещё, но партнеры по игре уже поставили шары, потому договорились, что я ему позвоню на следующий день, и мы встретимся. Увы, не получилось...

В 1991 году я отдыхал в Доме творчества писателей в Переделкино. Познакомился с поэтом Вадимом Ковдой. Когда тот узнал, что я родом из Благовещенска, воскликнул: «А я дружу с Лёней Завальнюком! Давай позвоним». Но Леонид Андреевич был в отъезде.

Тогда же я приобрёл сборник избранных стихотворений Леонида Завальнюка, вышедший в новой серии издательства «Молодая гвардия» «БИС». Читал как уже известные по другим книгам и публикациям стихи, так и новые, а также небольшое предисловие: «...Каждый год на месяц-полтора езжу на Дальний Восток в город Благовещенск. Про это написал когда-то: “Где дом друзей, там родина моя”... У меня есть строчки: “Нигде не ждут пророка так, как ждут его в России равно и в гиблые и в благодатные года”. Этим ожиданием порождены многие мои стихи».

Вместе со сборником Леонида Завальнюка я приобрёл вышедшие в той же серии книги Василия Казанцева и Юрия Кузнецова, поэтов, если можно так сказать, абсолютно другого плана, но творчество которых я тоже люблю и ценю.

В сентябре 2008 года друзья прислали мне из Благовещенска сборник избранных стихотворений Леонида Завальнюка. Книгу составил и редактировал М.Л. Гофман. У меня был номер его телефона. Прочитав «Избранное», я позвонил Марку Либеровичу, сказал, что хочу написать статью о творчестве поэта, со стихами которого я прошёл всю сознательную жизнь.

Мы общались с полчаса. Марк Либерович говорил, на какие стихи следует обратить особое внимание, что творчество Завальнюка ценили Константин Паустовский, Александр Межиров, Римма Казакова и другие известные поэты. Что Евгений Евтушенко включил его стихотворение в антологию «Строфы века». Что на его слова писали песни Юрий Саульский, Павел Аедоницкий, Давид Тухманов и ещё многие композиторы, а исполняли их Лев Лещенко, Валерий Леонтьев, Эдуард Хиль, Лариса Долина, Валентина Толкунова. Что Леонид Андреевич теперь известен и как художник, его выставка была даже в Париже... Приятно было слышать, что, по словам Марка Либеровича, поэт читал мои сборники, которые я ему присылал, публикации в «Литературной газете» и журналах.

Увы, это был наш последний разговор. В ноябре того же года Марк Либерович ушёл из жизни. Оборвалась ещё одна ниточка, связывавшая меня с Леонидом Андреевичем.

5

Написав, что со стихами Леонида Завальнюка я прошёл всю сознательную жизнь, я несколько не преувеличил. После «Лирики» я приобретал все его книги, какие попадались, некоторые, правда, не сохранились, но и сейчас их более десятка стоят среди тех, которые я постоянно читаю и перечитываю. Думается, многие амурские стихотворцы могут сказать подобное. Так, недавно я прочитал у Николая Левченко, моего одногодка, такие слова: «Как житель Благовещенска, обязан был знать Леонида Завальнюка – и знал. Он – великий поэт».

Относясь с недоверием к подобным эпитетам, я понимаю, что хотел сказать мой собрат: без стихов Завальнюка современная отечественная поэзия будет неполной. А великий ли он, большой, известный, популярный – это всё словеса, имеющие к поэзии весьма отдалённое отношение. Главное, что – Поэт.

Вспоминается давний разговор с Игорем Ерёминым, кумирами которого были Михаил Исаковский и Александр Твардовский.

Зашла речь о Завальнюке. Игорь со свойственной ему категоричностью заявил, что, мол, тот до отъезда в Москву, до учёбы в Литинституте, писал простые хорошие стихи, но, поварившись в столичной кухне, стал писать мудрёные. И тут же, как бы спохватившись, отметил, что есть у него и стоящие, процитировав:

Я многое могу с тех давних пор.
Могу плохое принимать без вздоха,
Любой судьбе в глаза могу смотреть в упор,
Поскольку хорошо держу в руках топор
И подшиваю валенки неплохо.

Дай Бог, чтобы от каждого поэта в памяти читательной осталась хотя бы одна строка, а тут – целых пять.

А насчёт «мудрёности»... Ещё в молодости я прочитал в одной из критических статей о Пушкине такое (дословно не помню, но смысл передам). Творчество – как восхождение на вершину горы. Сначала у поэта много читателей и почитателей. По мере подъёма их остаётся всё меньше и меньше, зато рядом самые верные. И может случиться, что на вершине он останется в полном одиночестве. (Добавлю от себя: но за таким поэтом пойдут другие и, возможно, достигнут более высоких вершин.) А вот кто выбирает хоженные тропинки, кто пишет с намерением во что бы то ни стало понравиться многим, ориентируется на читателей, не обладающих поэтическим вкусом, сочиняет на потребу дня, как правило, теряет свой голос, если, конечно, он у него был. У Леонида Завальнюка такой голос есть, его поэтическую интонацию не спутаешь ни с чьей.

Леонид Завальнюк, если можно так выразиться, ввёл Благовещенск в русскую поэзию. Его поэма «Осень на Амуре» (в некоторых книгах она называется «Осень в Благовещенске»), стихотворение «Прощание с благовещенской речкой Бурхановкой», другие стихи с амурскими «приметами» печатались в столице. В своё время Амурское отделение Хабаровского книжного издательства выпустило сборник его песен «Как ты близок мне, Дальний Восток».

Когда эта книжка вышла, кто-то из амурских стихотворцев язвительно изрёк, мол, любит Дальний Восток, а живёт в Москве. Эта реплика вспомнилась спустя многие годы, когда я уже жил в Белгороде и тоже писал (да и сейчас пишу) стихи, истоки которых – Приамурье, детство, юность, молодость, прошедшие там. Почему такое происходит? Да потому, что ностальгия не столько пространственное, сколько временное понятие, и, как сказал С. Есенин, «большое видится на расстоянии». Светлые и горчащие ностальгические строчки в большинстве своём не сочиняются, они – плод работы души, которая и диктует: «Где дом друзей, там родина моя». И такие завальнюковские строки:

Я люблю тебя, родина милая,
С тем, что было, и с тем, что минуло,
С тем, что есть у меня, и нет.
Ковыли пролетают белые,
Небеса проплывают синие...
Пока сердце не скрылось в инее,
Не растает во мне твой свет...

Верьте поэтам!

* * *

Когда-то давно, кажется, в «Литературной газете», я прочитал статью о современной поэзии, о новейших поэтических течениях. В ней назывались наиболее яркие, по мнению автора, имена, и, в частности, было сказано, что есть такое явление, как Леонид Завальнюк, стоящий особняком в литературном процессе, и что в нём, этом явлении, надо бы разобраться. Увы, прошли годы, а никто из критиков и литературоведов этого так и не сделал. По крайней мере, я более-менее основательных статей о его творчестве не читал.

Не так давно «Литературная газета» напечатала подборку Леонида Завальнюка. Вместе с новыми стихотворениями я прочитал «Бега», впервые опубликованные ещё в сборнике «Мой дом» (Хабаровск, 1966 г.):

Ненастной ночью и среди бела дня
Бегу себе ни валко и ни шатко.
Хоть вроде я и крепкая лошадка,
Никто не хочет ставить на меня.
Мне скучная дистанция досталась.
Но где-то там, на тысячной версте,
За тень доверья, за любую малость
Я бы принёс вам счастье на хвосте.
Поверьте слову старого коня,
Не упустите редкую удачу.
Вот вы купили пирожок. А сдачу –
Что вам терять – поставьте на меня.
Поставят, как же... Есть другой заезд,
Где что ни конь, то писанный красавец.
Тот бьёт копытом, этот землю ест,
Готовый мчать, планеты не касаясь,
Минут, так, пять... А может, даже семь.
О этот мир легчайшего азарта,
Где результат – как выпавшая карта:
Он жизни не касается совсем.
Играть всерьёз не любят игроки.
И долго ждать не любят: мир не вечен.
На марафонцев ставят чудачки,
Которым, кроме сердца, ставить нечего.
Я с ними весь. Но быть у них в долгу –
Не значит ли терять свою дорогу?
Нет ставок? Нет...
Ну что ж, и слава Богу, –
Сам на себя и ставлю, и бегу.

Вот так: «Сам на себя и ставлю, и бегу». Таков крестный путь истинного поэта.